

Набоков

1/2-88

Набоков сошел на нас, как лавина. «От Москвы до самых до окраин» журналы состояются в обнаружении и обнародовании его текстов и сведений о нем: от «Москвы» до «Урала», от «Дружбы народов» до «Даугавы» и от «Огонька» до «Театральной жизни». Еще год назад я по-журналистски не удержался бы от соблазна полного «хит-парада» таких новоизданий, но сегодня это уже и неинтересно. Интересен результат: все гигантское наследие Набокова, всю чертову дюжину его романов, и все, что вокруг, — все это хитроумная судьба обрушивает на нас разом. Это значит: все то, что мы могли бы освоить естественно за полста лет регулярного и своевременного чтения, теперь идет на нас фронтом, потоком, потоком. Эффект такого «погружения в материал», как известно, кесонный.

И вот мы спорим о том, сколько драгоценной бумаги идет на его книги и, значит, отнимается у родных словоохотливых пименов. Спорим о том, давать или не давать звание «великого», или «большого», или просто «крупного» писателя тому или иному из возвра-

щенных, а фигура Набокова — одна из главных мишеней для критиков, идущих штурмовать восстанавливаемый в нашей культуре «некрополь». Спорим о том, «хорошо» или «нехорошо» он «к нам» относился, а если нехорошо, то к кому «к нам», к нам ко всем или только к «сторонникам» культа личности». Когда же эта дарвиновская борьба за место, эта опыренная толкотня вокруг плода, вчера еще запретного, касается существа набоковских текстов, мы начинаем отдавать должное его «блестящему стилю», и это, конечно, самый пустой разговор и самая чудовищная иллюзия из всех наших самоутешных иллюзий, потому что никакого отдельного «стиля» не существует, стиль — это черта духовного феномена, а о духовном феномене Набокова нам, втянутым в споры «вокруг» него, думать некогда.

Но вот первая ласточка: статья «Возвращение господина Н» в февральской книжке «Родника».

## Возвращение к Набокову

Автор, Ольга Хрусталева, не полемизирует ни с теми, кто Набокова ниспровергает, ни с теми, кто отводит ему место на чисто «стилистической» полке, она просто перешагивает все это, притом не без веселости, но — во всеоружии знаний. Она пишет о духовном явлении, которое нам надо понять. О внутренней незащищенности, «отъединенности» набоковского духа, о том, что этот дух страшится воплощения, непременно для него губительного, и потому строит себе мир в «самодостаточном одиночестве». И этот самодостаточный, пушкински-гармоничный мир весь держится изнутри и от нас независимо. Поразительное наблюдение: «За всеми укоризненными восторгами в его адрес (вроде «блестящего стилиста») проступает невозможность (для нас — Л. А.) слиться, раствориться в нем. Он не просто не утилизируем, он непривычно, не порусски отчужден от нашей пылкости. Как за магическим стеклом. Или под предметным стеклом?»

Я бы продолжил эту мысль О. Хрусталевой вот в каком направлении. Набоковский мир создается не просто волей к независимости, генетически уходящей в «вековое дворянство», которое никогда не ощущало себя «тварью дрожащей», набоковский мир создается смертным предчувствием, что из вековой почвы ушла, уходит жизнь. Набоков — такое же дитя катастрофы, как Достоевский, только в отличие от Достоевского он не смотрит в бездну, а, отведя глаза, строит «над бездной», и оттого выстраиваемая им жизнь так блестяще стилизована и так оптически непреложна. Это не гармоничность Пушкина, радующегося бытию, это самообладание Пушкина, сбитого пульей в снег.

Чем обернется в наших душах наше возвращение к Набокову, покажет время. Статья О. Хрусталевой — это уже реальный разговор о ценностях. И это знак того, что мы небезнадежны.

Несколько слов об авторе и о журнале, его опубликовавшем. Ольга Хрусталева — молодой критик, она только начинает. Ленинградка, из детей 60-х годов, которые в 70-е годы самовоспитались на лихорадочном ночном чтении. Предчувствую у нее большое дарование и вижу большое знание. В этом смысле период «застоя», требовавший внешней официальной «верности словам» и «игнорирования» все, что уходило в тень «неофициальности», готовил себе интеллектуальных могильщиков. Слава богу, из «тени» и «тьмы» вышли теперь на свет не только «неформалы», увешанные металлом, но и люди, умеющие читать тексты и знающие, зачем их читают.

Журнал, опубликовавший статью Хрусталевой, выходит в Риге тиражом в 115 тысяч на латышском и 25 тысяч на русском языке. Достать его трудно. Но журнал есть, «Родник». А раз родник есть, он непременно пробьется к морю нашего общего знания о себе. Даже если и ставить плотины — все равно пробьется.

Лев АННИНСКИЙ.

Моск. новости. - 1988 - фев. - с. 11.